

Глава Республики Коми
Представительство Президента Российской Федерации в Республике Коми
Министерство по делам национальностей Республики Коми
Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

**Коренные этносы Севера европейской части России
на пороге нового тысячелетия: история,
современность, перспективы**

МАТЕРИАЛЫ
Международной научной конференции
(Сыктывкар, 17-19 мая 2000 г.)

Сыктывкар 2000

Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сборник статей).- Сыктывкар, 2000.- 566 с. (Коми научный центр УрО Российской академии наук).

Сборник составлен по материалам Международной научной конференции «Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы». На конференции обсуждался следующий круг вопросов: *этногенез и этническая история коренных этносов Севера европейской части России в XX столетии: проблемы и пути их разрешения; этнокультурная адаптация народов Севера европейской части России; история и современное состояние национально-государственного и языкового строительства коренных этносов Севера европейской части России; проблемы социально-экономического развития коренных этносов Севера европейской части России*. Статьи объединены в тематические блоки согласно основным направлениям работы конференции. Рассматриваются этногенез, этническая история и традиционная культура народов европейского Севера России, проблемы их современного социально-экономического и этнополитического развития; языки, национальная литература, фольклор и проблемы образования коренных этносов европейской части России. Доклады, прозвучавшие на пленарных заседаниях конференции, выделены в отдельный раздел.

За содержание представленных к публикации материалов редколлегия ответственности не несет.

Редакционная коллегия

Э.А.Савельева (отв. редактор), Г.В.Федунева (отв. секретарь), А.Н.Власов, И.В.Ильина, А.К.Конюхов, В.Н.Лаженцев, А.А.Попов, А.Ф.Сметанин, С.Б.Терентьева

ISBN 5-89606-084-X

© Коми научный центр
УрО РАН, 2000

точильных камня, три отбойника, терочник, шлифовальник, заготовка орудия. Из глинистого алевролита состоят семь точильных камней, топор и орудие, два тесла и заготовка орудия.

Наибольшим разнообразием используемых горных пород отличаются памятники Нижние Вальды – глинистый алевролит, песчаники, гнейсы, и Симва I – туф глинистый алевролит, песчаники. В ряду памятников выделяется Усть-Кедва по количеству шлифованных орудий, изготовленных из туфов – два топора и тесло, при наличии двух точильных камней из глинистого алевролита. В Чезтыягском могильнике все точильные камни сделаны из глинистого алевролита. Обращает на себя внимание широкое распространение орудий, их заготовок и просто осколков из глинистого алевролита на всех памятниках в бассейне р.Вымы и на Чезтыягском могильнике.

Каковы же источники идентифицированного каменного сырья и где их местоположение? Несомненно, что источниками гнейсов служили ледниковые отложения широко развитых на территории Европейского Северо-Востока покровных оледенений, переотложенные из них в аллювиальные осадки. По-видимому, местное происхождение имеют глинистые алевролиты и, по крайней мере, часть песчаников – олигомиктовых и полимиктовых. Аналогичные породы описаны в разрезах верхнепермских отложений, определяющих геологическое строение бассейна р.Вымы на значительном ее протяжении, хотя не исключено и их ледниковое происхождение. Пока трудно судить об источнике вулканогенных пород кислого и среднего состава. Такие породы не встречаются на Тимане, не отмечались они ранее и в ледниковых отложениях. В качестве предположения можно связать их происхождение с западным склоном Урала, где вулканогенные породы кислого и среднего состава, в том числе туфогенные, имеют широкое распространение.

Литература и источники

- Андреичева Л.Н. Основные морены Европейского Северо-Востока России и их литостратиграфическое значение. - СПб.: Наука, 1992. – 125 с.
- Буров Г.М. Древний Синдор. – М.: Наука, 1967а. – 219 с.
- Буров Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. - Сыктывкар, 1967б. – 96 с.
- Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. - М.: ДиК, 1997. - С.91-145.
- Логинова Э.С. Мезолитические стоянки средней Вычегды // Археологические памятники Северного Приуралья. (МАЕСВ. Вып.9). - Сыктывкар, 1985. - С.16-30.
- Лузгин В.Е. Мезолит и ранний неолит в долине р.Ижмы (бассейн средней Печоры) // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита (МИА №172.) - Л., 1973. - С.95- 98.
- Канивец В.И. Мезолитические стоянки на средней Печоре и Усе // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. (МАЕСВ. Вып.4). - Сыктывкар, 1973. - С.3 -23.
- Милорадович Б.В. Геологическое строение Джемской Пармы (Южный Тиман). - Л.-М., 1938. – 38 с. (Тр. Нефтяного геол.-разв. Ин-та. Серия А. Вып.53).
- Семенов В.А., Несанелене В. Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы.-Сыктывкар, 1997.
- Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская (XI – XIV вв. н.э.) Археология Республики Коми. - М.: ДиК, 1997.-С.575.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ У НАРОДОВ ПРИКАМЬЯ (ПОПЫТКА АНАЛИЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Л.Д. Макаров
Ижевск

Ритуальные жертвоприношения человека получили в научной литературе неоднозначную оценку. Этнографы весьма настороженно рассматривают вероятность бытования этой традиции: “Не надо преувеличивать степень распространенности обычая человеческих жертвоприношений в истории народов. Явление это отнюдь не было универсальным”¹. Археологи же находят подтверждение существования данного обычая у большинства народов мира, начиная с эпохи раннего металла и до позднего средневековья, а порой и до этнографического времени. Общеизвестно, что человеческие жертвы считались наиболее сильными средствами для приостановления эпидемий или стихийных бедствий. В то же

время они широко практиковались при погребении вождей или князей, в ходе военных акций, в качестве строительной жертвы².

Надо признать, что методология исследования этого ритуала по-прежнему далека от удовлетворительной³. Отмечу, что сведения об археологически фиксирующихся признаках рассматриваемого обряда время от времени появлялись в научной литературе, но не находили какого-либо обобщения. Это своеобразное табу на данную тему возникло по вполне понятным причинам – после попыток в конце XIX–начале XX в. обвинить представителей некоторых народов России в ритуальных человеческих жертвоприношениях. Вспомним такие скандально известные процессы, как Мултанское дело (1892–1896 гг.) или дело Бейлиса (1911–1913 гг.), признанные судами присяжных фальсификациями со стороны полиции и властей и закончившиеся полным оправданием обвиняемых⁴. В дальнейшем это положение по инерции сохранялось, лишь в последнее десятилетие данный анахронизм стал изживаться. Одной из первых работ, освещающих исследуемый феномен, стала монография археологов И.П.Русановой и Б.А.Тимощука “Языческие святилища древних славян” (М., 1993), в которой имеется соответствующий раздел. Собранные и обобщенные ими многочисленные факты позволили обратиться к изучению ритуальных человеческих жертвоприношений на сугубо научной основе. Разработанные этими учеными методологические подходы сделали возможным более предметно рассуждать на данную тему и, прежде всего, по древнерусским памятникам Прикамья⁵. Вместе с тем, появилась возможность обратиться и к финно–угорским древностям региона, имеющим некоторые признаки ритуальных человеческих жертвоприношений. Здесь, однако, остается чрезвычайно важной проблема применимости методологии, разработанной преимущественно на славянских материалах, к финно–угорским древностям, в особенности восточных. Поскольку эта тема не может быть рассмотрена в кратком экскурсе, являясь весьма сложной в теоретическом плане (а это область палеоэтнопсихологии и мифологии, во многом реконструируемая на базе данных археологии, этнографии, фольклористики, палеоантропологии, палеопатологии), остановимся лишь на археологически зафиксированных фактах, позволяющих ставить вопрос о бытовании этих ритуалов у населения Приуралья. При этом мы вполне осознаем, что некоторые из приведенных ниже описаний могут показаться по меньшей мере спорными. Положение осложняется и качеством фактов – чаще это словесные интерпретации раскопщиков, достаточно редко сопровождающиеся иллюстрациями. Целью работы является постановка вопроса об исследуемом феномене, а отнюдь не категорическое заключение о ритуальной его сущности. Памятуя об этом, обратимся к собранным сведениям.

Одной из наиболее древних находок такого рода (вероятной строительной жертвой) было обнаружение останков двух людей у северной стенки и в выходе жилища эпохи энеолита на поселении Лобань I в бассейне Вятки⁶. Дело в том, что в соответствии с горизонтальной сакрализацией жилого пространства север связывался со страной смерти, а расположение жертв у входа – с размещением “стражей”⁷. Следы ритуальных жертвоприношений зафиксированы и в поздней бронзе: пять погребений и череп около жертвенника на Балымском поселении приказанской культуры⁸; обожженные кости в очаге землянки на Луговской II стоянке в низовьях Вятки; череп рядом с кострищем над останками погребенного на Луговском и перегоревшие кости в голове покойного на Маклашеевском курганных могильниках⁹. Культовый характер имели расчлененные захоронения в зольниках эпохи поздней бронзы Западной Сибири¹⁰.

В ананьинское время человеческие жертвы в основном приносились на поселениях и святилищах. Так, А.В.Збруева указывала на находки разрозненных человеческих костей на Пижемском городище и Конецгорском селище, происходящих, вероятно, из культовых комплексов¹¹. Таковым была раннеананьинская постройка на Аргыжском городище (52,2 кв.м.) с кострищем, жертвенной канавой и тремя мощными столбами изнутри, близ которых обнаружено “скопление лежавших грудой человеческих костей, частично обожженных. Останки принадлежали трем мужчинам, женщине и ребенку”¹². Зафиксирован случай строительной жертвы (фрагмент черепа ребенка) на позднеананьинском Заосиновском I поселении близ Перми¹³. Человеческие жертвоприношения исследованы и на средне- и позднеананьинских святилищах¹⁴, в частности на Гремячанском, где обнаружены потревоженные скелеты людей (в основном детей и подростков), частью сожженных¹⁵. Человеческие останки содержали и синхронные жертвенные места Урала и Зауралья, например, святилище Голый Камень¹⁶, Уньинская пещера на р. Печоре и др.¹⁷. В свое время А.В.Збруева отмечала полное отсутствие человеческих жертв на ананьинских могильниках, хотя сама же указывала на находки человеческих костей на ряде некрополей, не связывая их, очевидно, с жертвоприношениями¹⁸. Думается, что возможности этой категории памятников для раскрытия особенностей ритуала еще далеко не исчерпаны (см. ниже).

Судя по всему, ананьинские святилища стали базой формирования гляденовских костящих¹⁹. Предположение пермских археологов о гляденовских костящах, как местах погребения человека по обряду трупосожжения²⁰, опиралось на их наблюдения за характером расположения остатков кремации в виде линзовидных скоплений в “домах мертвых”²¹, однако без антропологического анализа. (Любопытно, что остатки человеческих кремаций в “домах мертвых” выявил на раннеананьинском Першинском могильнике С.Н. Коренюк. Там они размещались в берестяных туесах, содержимое которых сохранилось как раз в виде линз диаметром 50, толщиной 12–18 см²²). Р.Д.Голдина считает костяща одновременно и жертвенными местами, и могильниками, ссылаясь на находки обожженных костей человека на Усть-Туге²³. В последние годы пермские археологи возобновили изучение костящих и на одном из них – Юго-Камском – нашли сырые кости человека, что свидетельствует, скорее, не о погребальном, а ритуальном их характере²⁴.

В раннесредневековых памятниках Прикамья следы человеческих жертвоприношений пока не зафиксированы, хотя в синхронном слое Уньинской пещеры, например, найдены человеческие зубы и фаланги пальцев не менее чем двух индивидов²⁵. На рубеже I-II тыс. н.э. у населения Приуралья происходит изменение идеологии, в том числе в погребальной обрядности – распространяется обычай преднамеренного нарушения ингумаций. Прямое отношения к нашей теме он не имеет, однако требует внимательного анализа с целью выявления хотя бы малейших крупниц исследуемого ритуала. Могилы с такой особенностью зафиксированы на р. Чепце в погребениях IX-X вв. Варнинского могильника и XIII-XIV вв. Солдырского Бигершя²⁶, на верхнекамском Аверинском I могильнике XII-XIV вв.²⁷, на могильниках вымской культуры XI-XIV вв.²⁸. Этот обряд трактуется как стремление обезвредить покойного²⁹, а в ряде случаев и как вторичное захоронение³⁰. Судя по всему, он знаменует собой (по крайней мере, в верховьях Камы) переход от обряда кремации к ингумации, что подтверждается, даже при отсутствии кальцинированных костей, следами жертвенных или поминальных костров и некоторым количеством обожженных костей³¹. Этот вывод прекрасно иллюстрируется поздними (VIII-XIII вв.) могилами Аверинского II могильника, значительная доля которых совершена по способу частичной кремации³². При этом в отдельных погребениях костяки намеренно разрушены и имеют кальцинированные кости, возможно, другого покойного, а в одном случае – “лишний” необожженный череп³³. Не исключено, что в этих захоронениях остались следы человеческих жертвоприношений. На могильниках вымской культуры зафиксирован 21 случай, по мнению Т.В. Истоминой, расчлененного труположения с черепом в центре могилы³⁴. Возможно, и здесь мы имеем дело с интересующим нас ритуалом. Очевидно, более внимательный анализ родановских и чепецких некрополей также позволит выделить соответствующие погребения. У обских угров, например, человеческие жертвы выявлены не только в могилах XIII-XIV вв. (Сайгатинский У1 могильник, раскопанный К.Г.Карачаровым), но и зафиксированы гораздо позже – вплоть до XVIII в.³⁵.

Наибольшую трудность вызывает анализ памятников нового времени. Дело в том, что для этого периода изучено чрезвычайно мало жертвенных мест и поселений, причем каких-либо сведений, связанных с людскими жертвами на них (по крайней мере, у удмуртов), кажется, не отмечено³⁶. Единственной категорией памятников, которая может содержать элементы рассматриваемого ритуала, являются могильники. В верхнем Прикамье признаки таких жертвоприношений обнаружены в некрополях христианизированных коми-пермяков: на Ильинском конца XVI-XVII вв. (захоронение черепа) и Искорском конца XVII-XVIII вв. (погребение ребенка, погибшего насильственной смертью)³⁷. Христианизация удмуртов заняла более продолжительный период и, по существу, осталась незавершенной. Неспроста на позднеудмуртских языческих кладбищах зафиксированы вероятные человеческие жертвы: на Узей-Туклинском (кучка костей мужского скелета в могиле с тремя погребенными; три захоронения с дополнительными черепами), Большедокьянском II и Атынском (черепа в одном и двух погребениях соответственно). В некоторые из этих могил “лишние” кости могли попасть случайно – в результате разрушения более ранних захоронений³⁸. Однако обнаружение таких костей в ненарушенных комплексах требует иного объяснения, в том числе и допущение рассматриваемого здесь ритуала. Впрочем, остается еще много вопросов при трактовке описанных выше могил. Для их успешного решения требуются новые методологические разработки, опирающиеся на всесторонний анализ разнообразных источников.

Литература и источники

¹Токарев С.А. Ранние формы религии.- М., 1990.- С. 596.

²Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян.- М., 1993.- С. 65–73.

- ³Рубанова И.В. О природе культа человеческого жертвоприношения: К истории вопроса // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность. Глазов, 1995. С. 134–136; Урмацких М.А. Обряды человеческих жертвоприношений и методологические аспекты их изучения // История и культура финно-угорских народов.- Глазов, 1997. Ч. 1.- С. 10–11.
- ⁴Винберг А.И. Черное досье экспертов-фальсификаторов.- М.: Юрид. лит., 1990.- С. 51–141.
- ⁵Макаров Л.Д. Человеческие жертвоприношения и их бытование у древнерусского населения Прикамья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы междунар. науч. конференции.- Ижевск, 2000.- С. 341–344.
- ⁶Гусенцова Т.М., Сенникова Л.А. Многослойное поселение Лобань I // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980. С. 120–121; Уткин А.В. О датировке погребений на поселении Лобань I // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья.- Иваново, 1989.- Вып. 2.- С. 32–33.
- ⁷Максимова О.Б., Черных Е.М. Возможности археолого-этнографических сопоставлений в изучении строительной обрядности древнего населения Приуралья // Интеграция археологических и этнографических исследований.- Омск-Уфа, 1997.- С. 95–96.
- ⁸Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ.- М., 1980.- Вып. В1–24.-С. 27–28. (Рис. 17).
- ⁹Збруева А.В. Памятники поздней бронзы в Прикамье // КСИИМК.- М., 1950.- Вып. XXXII.- С. 75; она же. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА.- М., 1952.- № 30.- С. 157.
- ¹⁰Корочкова О.Н. Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Генинга.- Екатеринбург, 1999.- Ч. 2.- С. 57–63.
- ¹¹Збруева А.В. История населения...-С. 157.
- ¹²Черных Е.М. Культовый комплекс Аргыжского городища на реке Вятке // Полевой симпозиум “Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии”.- Пермь, 1996.- С. 92.
- ¹³Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья.- Сыктывкар, 1989.- С. 83.
- ¹⁴Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Человеческие жертвоприношения на памятниках ананьинской культуры в Среднем Прикамье // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока.- Красноярск, 1991.- Т. 3.- С. 40–41.
- ¹⁵Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // Археологические открытия Урала и Поволжья.- Сыктывкар, 1989.- С. 76, 78.
- ¹⁶Кипарисова Н.П. Жертвенное место на Голом Камне // Первое Уральское археологическое совещание при Молотовском университете 20–25 апреля 1947 г.- Молотов, 1948.- С. 49–51.
- ¹⁷Канивец В.И. Канинская пещера.- М., 1964.- С. 130–131.
- ¹⁸Збруева А.В. История населения...- С. 152–157.
- ¹⁹Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Уч. зап. ПГУ. Пермь, 1967. № 148. С. 145–146; Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костыще: (Из собрания Пермского областного краеведческого музея). Каталог. Пермь, 1997. С. 45.
- ²⁰Бадер О.Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции // Уч. зап. ПГУ. Пермь, 1953. Т. IX., вып. III.- С. 66–67; Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // Уч. зап. ПГУ.- Пермь, 1960.- Т. XII., вып. I.-С. 167–171; Генинг В.Ф. Гляденовское костыще с обрядом трупопожжения // Древности Волго-Камья.- Казань, 1977.- С. 21–30.
- ²¹Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.).- М., 1988.- С. 155–176.
- ²²Кореньюк С.Н. Новый тип сооружений Першинского могильника // Полевой семинар “Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии”.- Пермь, 1996.- С. 37–39; он же. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья.- М., 1999.- С. 35–36.
- ²³Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье.- Иркутск, 1985.- С. 106–107.
- ²⁴Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Изучение жертвенных мест в Среднем Приуралье // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность.- Березники, 1999.- С. 27–29; Лепихин А.Н. Религиозная обрядность костыщ гляденовской культуры и этнографические параллели // Российская археология: Достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы междунар. науч. конференции.- Ижевск, 2000.- С. 282.

- ²⁵Мурыгин А.М. Средневековые святилища Печорского Приуралья // Полевой симпозиум “Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии”. - Пермь, 1996.- С. 62.
- ²⁶Иванов А.Г. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв.- Ижевск, 1995.- С 109–114. (Рис. 3; 4); он же. О некоторых особенностях погребального обряда полемской культуры // Полевой семинар “Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии”. -Пермь, 1996.- С. 32–33.
- ²⁷Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. -Свердловск, 1989.- С. 38-39, 125. (Рис. 29; 31; 32).
- ²⁸Истомина Т.В. Погребальный обряд Перми Вычегодской (X–XIV вв.): Автореф. дисс.... канд. ист. наук.- Л., 1983.- С. 6.
- ²⁹Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники... С. 39.
- ³⁰Иванов А.Г. О некоторых особенностях...С. 33.
- ³¹Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники... С. 39.
- ³²Там же. -С 38–40. Рис. 33–3, 6.
- ³³Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Афанасьевском и Вятско-Полянском районах Кировской области летом 1983 года //Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 180.- Ижевск, 1983.- С. 20. Рис. 78; 79.
- ³⁴Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв.- Л., 1987.- С. 16-17.
- ³⁵Соловьев А.И. О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов.- Новосибирск, 1990.- С. 92-103.
- ³⁶Шутова Н.И. Горы / возвышенности в обрядах и мифологии удмуртов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья.- Ижевск, Глазов, 1999.- С. 184-193; Волкова Л.А. Культурная топонимика в современной этнокультурной системе ценностей удмуртов и бесермян // Там же.- С. 200-214.
- ³⁷Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н. Проблема отражения процесса христианизации населения Перми Великой в погребальных комплексах X–XVIII вв. // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры.- Сыктывкар, 1996.- Т.1.- С. 162-167.
- ³⁸Шутова Н.И. Удмурты XVI-первой половины XIX в.: по данным могильников.-Ижевск, 1992.- С. 63-64.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УРАЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ: ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМ ПРИЗНАКОВ

В.Г.Моисеев
Санкт-Петербург

Цель и задачи исследования

Целью данной работы является оценка антропологического своеобразия уралоязычных (финно-угорских и самодийских) народов. Для этого были проанализированы и интегрированы четыре независимые системы антропологических признаков: краниометрия, краниоскопия, одонтология и дерматоглифика.

Гипотезы о происхождении уралоязычных народов

В физической антропологии существуют две основные гипотезы о происхождении уралоязычных народов.

Согласно одной из них, большинство уральцев сформировалось в результате длительного процесса метисации между различными по происхождению европеоидными и монголоидными группами (Дебец, 1956). Данная гипотеза предполагает, что единство уральцев – исключительно языковое, но не генетическое.

Вторая гипотеза была обоснована В.В.Бунаком (1924). Она предполагает существование в прошлом единого уральского пранарода, некоторые черты которого сохранились до настоящего времени у большинства уральцев, несмотря на несомненно имевшие место более поздние метисационные процес-